

Чернов Дмитрий

796 ударов в минуту. Корень

18+

796 ударов в минуту

Чернов Дмитрий

796 ударов в минуту. Корень

«Автор»

2026

Дмитрий Ч.

796 ударов в минуту. Корень / Ч. Дмитрий — «Автор»,
2026 — (796 ударов в минуту)

Революция случилась. Правление пало. Оливер стал символом — бронзовым, плакатным, удобным для власти. А под городом просыпается «Корень»: живое существо тысячелетнего возраста, которое голодало пятнадцать лет без свободного воображения. Спуск в шахту — это не только поиск еды для умирающего города. Это встреча с тем, что люди создали сами, играя в богов. С памятью, которую нельзя уничтожить. С отцом, который добровольно стал процессором системы контроля. О цене революции. О том, как символы превращаются в тюрьму. И о том, что некоторые долги отдают не деньгами, а временем.

© Дмитрий Ч., 2026

© Автор, 2026

Чернов Дмитрий

796 ударов в минуту. Корень

796 УДАРОВ В МИНУТУ

Книга вторая

КОРЕНЬ

Автор: Чернов Дмитрий

ГЛАВА 1. Новое Утро

Сирена не завывала.

Оливер стоял у окна своей новой комнаты — маленькой, но светлой, с видом на площадь, где когда-то возвышался старый Постамент. Ждал. Привычка, ввевшаяся в кровь за десять лет: в шесть утра Город просыпается под вой, и если ты не проснулся сам — тебя разбудят.

Но сирена молчала.

Только птицы. Оливер не знал, откуда они взялись в Городе — может быть, всегда были здесь, просто их крики заглушали генераторы. Может быть, прилетели из-за Стены, когда её начали разбирать. А может быть, их никто не слышал раньше, потому что боялся слушать.

— Не привыкну, — сказал он вслух.

— К чему? — раздался голос Лиса из-за спины.

Оливер обернулся. Лис сидел на подоконнике — забрался с ногами, как в детстве, хотя детства у него не было. В руках — кружка с дымящимся чаем.

— К тишине, — ответил Оливер.

— Привыкнешь, — Лис отхлебнул, поморщился — чай был слишком горячим. — Или не привыкнешь. Но сирены больше не будет. Это точно.

— Откуда знаешь?

— Я сам её отключил, — сказал Лис. — Вчера. Вместе с Амадеем. Перерезал кабели, вытащил динамики, залил бетоном распределительный щит. Сирена умерла. Я был свидетелем.

Оливер усмехнулся.

— Ты ей памятник не заказал?

— Не смешно, — Лис прыгнул с подоконника. — Эта штука будила меня двадцать лет. Я имел право на маленькую месть.

Они помолчали. За окном Город просыпался — без сирены, без паники, без привычного страха. Люди выходили из домов, шурились на солнце (настоящее солнце, которое больше не заслонял смог), переговаривались тихими, ещё сонными голосами.

— Красиво, — сказал Оливер.

— Непривычно, — поправил Лис.

— Это одно и то же.

Они вышли на улицу вместе.

Шахтерск изменился. Не так сильно, как хотелось бы, но достаточно, чтобы заметить. Улицы стали чище — кто-то вымел мусор, кто-то убрал ржавые контейнеры, кто-то закрасил старые лозунги Правления. На стенах домов появились граффити — не те, что раньше, нацарапанные в темноте острым гвоздём, а яркие, цветные, живые.

Оливер увидел проекцию. Маленькая девочка пускала мыльные пузыри. Пузыри переливались на солнце, лопались, и на их месте возникали новые. Проекция была слабой, неуверенной — явно работа ученика. Но она была.

— Кто это сделал? — спросил Оливер.

— Не знаю, — ответил Лис. — Дети. Вчера, кажется. Москва сказала, что теперь можно.

— Можно?

— Ну, — Лис замялся. — Не то чтобы официально разрешили. Просто никто не запрещает.

Оливер остановился, посмотрел на проекцию. Девочка с пузырями улыбалась — и в этой улыбке было что-то, чего он не видел на лицах взрослых.

Свобода.

Не та, о которой говорят в речах. Не та, которую обещают победители. Простая, детская, естественная.

— Мне нужно в школу, — сказал Оливер. — Сегодня первый урок.

— Я провожу, — ответил Лис.

Они пошли дальше.

Школа Воображения располагалась в здании бывшего Инженерного Корпуса — того самого, которое не взорвалось, которое уцелело после уничтожения «Сердцевины». Москва выделила три этажа и подвал. Лис помог с ремонтом. Амадей принёс старые «Ундервуды» — двенадцать штук, собранных из обломков, выменянных у старьёвщиков, откопанных в руинах.

У входа Оливера ждал неожиданный гость.

Старик с тростью — тот самый, из Заброшенного парка, который заслони́л его от Теодора на площади. Дед. Так он просил себя называть.

— Здравствуй, герой, — сказал Дед.

— Здравствуйте, — ответил Оливер. — Я не герой.

— Знаю, — Дед кивнул. — Герои никогда не чувствуют себя героями. Это чувствуют другие.

— Вы пришли на урок?

— Нет, — Дед покачал головой. — Я пришёл просить.

— О чём?

— О моём внуке, — Дед вздохнул. — Его зовут Тим. Ему семь лет. Он не разговаривает. После того, как его мать увели Корректоры... он замолчал. Год молчит.

— Его мать вернулась, — сказал Оливер. — Я видел её на площади.

— Вернулась, — согласился Дед. — Но сын — нет. Он остался там, в том дне. Я думаю... может быть, ты сможешь помочь. Твои уроки. Твои проекции.

Оливер посмотрел на здание школы, потом на Деда.

— Приводите его, — сказал он. — Завтра.

— Спасибо, — Дед поклонился — низко, по-старинному. — Спасибо.

Он развернулся и медленно пошёл прочь, опираясь на трость.

Лис смотрел ему вслед.

— Ты знаешь, кто это? — спросил он.

— Дед, — ответил Оливер.

— Он был главным инженером Правления, — сказал Лис. — Тридцать лет назад. Строил Постамент. Потом его уволили, когда отказался работать над «Глушителями».

Оливер посмотрел на удаляющуюся фигуру.

— Почему ты мне не сказал?

— А зачем? — Лис пожал плечами. — Он сам должен был решить, когда рассказать.

Они вошли в школу.

Класс был готов.

Двенадцать столов, на каждом — «Ундервуд» или «Скетчер». На стенах — проекции, которые Оливер создал вчера. Океан. Небо. Бумажный журавлик.

Он подошёл к своему столу, положил руки на клавиши.

«Ундервуд» был старым — тем самым, который достался от отца. Потрёпанный, выдавший виды, с буквой «ё», которая западала, и пробелом, который иногда залипал. Но он работал.

Оливер закрыл глаза.

Он думал об отце, который спал сейчас в своей новой комнате — маленькой, тесной, но уютной. О Лисе, который остался стоять у входа, прислонившись плечом к стене. О Москве, которая с утра уже была в Совете — спорила, доказывала, требовала.

О детях, которые придут сегодня.

О Тиме, который не говорит.

Он открыл глаза.

— Ты готов? — спросил Лис из дверного проёма.

— Нет, — ответил Оливер. — Но это не важно.

Он улыбнулся.

— Пусть входят.

ГЛАВА 2. Пустой Трон

Совет заседал в Акрополе — в том самом зале, где когда-то Правление решало судьбы Города. Теперь столы были сдвинуты, стулья расставлены кругом, чтобы никто не чувствовал себя выше других. Но старые фрески на потолке — сцены триумфов и побед — напоминали, чья тень всё ещё витала над этим местом.

Москва сидела не во главе. Она вообще не хотела садиться — предпочитала стоять, ходить, нависать. Но Совет настоял: нужен председатель. Хотя бы временный.

— Пункт первый, — сказала она, постучав костяшками по столу. — Продовольствие.

За столом сидели двенадцать человек. Бывшие подпольщики, инженеры, несколько старейшин из Шахтерска, которых выбрали соседи. Ни одного бывшего чиновника Правления — Москва настояла на этом, и Оливер её поддержал.

— Запасы тонера кончаются, — сказал Амадей, сидевший слева. — Постамент работает на новой системе, но для проекций всё ещё нужен тонер. А шахты...

— Что с шахтами? — спросил кто-то.

— Люди не хотят туда возвращаться, — ответил Амадей. — Слишком много воспоминаний. Слишком много смертей.

— Заставьте, — предложил грузный мужчина в потрёпанном пиджаке — представитель Шахтерска.

Москва посмотрела на него холодно.

— Мы не Правление. Мы не заставляем.

— Тогда как мы будем добывать тонер? — не сдавался мужчина.

— Будем искать альтернативы, — ответила Москва. — Амадей работает над синтезом.

— Синтезом? — мужчина усмехнулся. — Это займёт годы. А есть люди сейчас.

— Тогда пусть те, кто хочет есть, идут в шахты добровольно, — сказал Амадей. — За плату. Достойную. Не за пайку, как при Правлении.

Совет загудел. Кто-то соглашался, кто-то возражал, кто-то предлагал вернуть принудительный труд — «временно, пока не наладим».

Москва подняла руку.

— Голосуем, — сказала она. — Кто за добровольный труд с достойной оплатой?

Поднялось восемь рук.

— Кто за принудительный?

Четыре.

— Принято, — Москва кивнула. — Следующий пункт.

— Пункт второй, — сказала она, когда шум стих. — Суд над чиновниками Правления.

Тишина стала плотной, почти осязаемой.

— Список составлен, — продолжила Москва. — Сто тридцать семь человек. Бывшие цензоры, операторы Постаменты, начальники «исправительных школ».

— И Корректоры, — добавил кто-то из угла.

— Корректоры — отдельно, — ответила Москва. — Их больше. И с ними сложнее. Многие просто выполняли приказы.

— Приказы убивать? — голос был резким, женским.

Оливер узнал её. Женщина, которая стояла на площади с ребёнком на руках. Её мужа убили Корректоры при разгоне митинга пять лет назад.

— Мы не можем судить всех, — сказал Оливер, вступая в разговор впервые.

Все повернулись к нему.

— Почему это? — спросила женщина. — Они убивали. Они должны ответить.

— Должны, — согласился Оливер. — Но не все. Те, кто отдавал приказы — да. Те, кто выполнял под угрозой смерти — нет.

— А как мы узнаем, кто под угрозой, а кто нет? — спросил грузный мужчина.

— Будем судить, — ответил Оливер. — Каждого отдельно. Слушать. Разбираться.

— Это займёт годы, — заметил Амадей.

— У нас есть годы, — ответил Оливер. — Или мы строим правосудие, или мы строим месть.

Женщина с ребёнком смотрела на него долго, тяжело. Потом опустила глаза.

— Моему мужу всё равно не поможешь, — сказала она тихо. — Но другим... другим, может быть, поможем.

Она села.

Москва посмотрела на Оливера — и в её взгляде было что-то, чего он не мог прочитать. Уважение? Досаду? Сожаление?

— Голосуем, — сказала она. — Кто за индивидуальные суды с разбирательством?

Поднялось десять рук.

Две воздержались.

— Принято, — Москва кивнула. — Пункт третий.

— Пункт третий, — Москва помолчала. — Теодор.

Зал замер.

— Он содержится в бывшей камере Корректоров, — продолжила Москва. — Условия — человеческие. Еду получает три раза в день. Прогулки — час. Свидания запрещены.

— Зачем мы его вообще держим? — спросил грузный мужчина. — Казнить — и всё.

— Не всё, — ответил Оливер. — У него есть информация. О бывших соратниках. О тайниках с оружием. О планах, которые он не успел осуществить.

— И он ею делится? — спросил Амадей.

— Нет, — ответила Москва. — Пока нет. Он требует переговоров.

— Каких переговоров?

— Он хочет встретиться с Оливером, — сказала Москва. — Наедине.

В зале повисла тишина.

— Это ловушка, — сказал кто-то.

— Конечно, ловушка, — согласился Лис, до сих пор молчавший в углу. — Вопрос в том, что за ловушка.

— Я пойду, — сказал Оливер.

— Нет, — ответила Москва.

— Не тебе решать, — Оливер посмотрел на неё. — Теодор мой. Я его поймал. Я с ним и поговорю.

— Он убьёт тебя, — сказал Лис.

— Не убьёт, — ответил Оливер. — Ему нужен я живой. Мёртвый я — мученик. Живой — оружие.

— Оружие против кого? — спросил Амадей.

— Против нас, — ответил Оливер. — Он хочет посеять сомнения. Разделить Совет. Показать, что мы — такие же, как Правление.

— И ты хочешь дать ему эту возможность? — спросила Москва.

— Я хочу выслушать его, — сказал Оливер. — А потом — пусть говорит с судом. Не с Советом. С народом.

Замолчали все.

Москва долго смотрела на Оливера. Потом кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Ты встретишься с ним. Но не один. Лис будет рядом.

— За стеклом, — согласился Оливер.

— За стеклом, — подтвердила Москва.

— Тогда решено, — Оливер встал. — Когда?

— Завтра, — ответила Москва. — В десять утра.

Совет закончился.

Оливер вышел из Акрополя один. Лис догнал его на улице.

— Ты идиот, — сказал Лис без злости, скорее устало.

— Знаю, — ответил Оливер.

— Теодор сожрёт тебя живьём. Он манипулятор. Он играет словами, как ты — проекциями.

— Я знаю, — повторил Оливер.

— И всё равно идёшь?

— Иду.

— Почему?

Оливер остановился, посмотрел на небо — синее, чистое, бескрайнее.

— Потому что если я боюсь его, значит, он победил, — сказал он. — Даже в тюрьме. Даже без власти. Страх — это тоже оружие. И я не хочу, чтобы он им пользовался.

Лис вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Завтра так завтра. Но если он попытается что-то сделать — я выстрелю. Не глядя.

— Договорились, — улыбнулся Оливер.

Они пошли дальше — к школе, к детям, к новой жизни.

Впереди был новый день.

ГЛАВА 3. Первый Урок

Оливер вошёл в класс за час до начала.

Он хотел побыть один — подышать, подумать, привыкнуть к мысли, что теперь он не беглец, не воин, не символ. Он — учитель.

В классе пахло деревом, старыми книгами и чем-то ещё — чем-то, чего Оливер не мог узнать. Возможно, надеждой. Он прошёлся между столами, провёл пальцами по клавишам «Ундервудов». Двенадцать машинок. Двенадцать учеников. Двенадцать историй, которые только начинали писаться.

Он сел за свой стол — простой, деревянный, без единого украшения. Положил перед собой свой старый «Ундервуд» — тот самый, с западающей буквой «ё» и залипающим пробелом. Провёл пальцами по клавишам. Холодные, шершавые, знакомые.

— Ты волнуешься, — раздался голос от двери.

Оливер поднял голову. Лис стоял, прислонившись плечом к косяку, и держал в руках две кружки с чаем.

— Немного, — признался Оливер, принимая одну.

— Ты спас Город. А волнуешься перед уроком, — Лис покачал головой. — Станный ты человек, Кейн.

— Учитель, — поправил Оливер.

— Что?

— Теперь я учитель. Не Кейн. Не герой. Просто учитель.

Лис хотел что-то сказать, но передумал. Отхлебнул чай, поморщился — снова горячий.

— Первым идёт Тим, — сказал он. — Тот мальчик, который не говорит. Дед приведёт его через час.

— Я помню, — кивнул Оливер.

— Ты знаешь, как с ним работать?

— Нет, — честно ответил Оливер. — Но научусь.

Лис посмотрел на него долгим, изучающим взглядом.

— Ты изменился, — сказал он. — Раньше ты всё время сомневался. Боялся. А теперь...

— А теперь?

— А теперь ты просто делаешь. Не думая. Не боясь. Не оглядываясь.

Оливер усмехнулся.

— Может быть, это и есть взросление, — сказал он. — Не переставать бояться. А перестать обращать внимание на страх.

Дед привёл Тима ровно в десять.

Мальчик был маленьким, худым, с большими серыми глазами, которые смотрели на мир с недоверием, граничащим с ужасом. Он держался за руку деда и не отпускал, даже когда тот попытался передать его Оливеру.

— Тим, — сказал Дед мягко. — Это Оливер. Он хороший. Он не сделает тебе плохо.

Тим молчал.

Оливер опустился на корточки, чтобы быть с мальчиком на одном уровне.

— Привет, — сказал он. — Я учитель. Я не буду тебя заставлять. Не буду требовать. Не буду кричать. Я просто покажу тебе кое-что. А ты смотри. Хочешь — участвуй. Не хочешь — просто сиди.

Тим смотрел на него долго, внимательно. Потом перевёл взгляд на «Ундервуд» на столе Оливера.

— Хочешь посмотреть? — спросил Оливер.

Тим кивнул — едва заметно, но кивнул.

Оливер подошёл к столу, сел. Не стал сажать мальчика на стул — тот сам подошёл ближе, остановился в полуметре.

— Это машинка, — сказал Оливер. — Обычная, старая, с западающей буквой «ё». Но если нажать на клавиши вот так...

Он начал печатать.

Медленно. Почти невесомо. Пальцы едва касались клавиш, будто он боялся спугнуть то, что рождалось.

Из машинки выползла дымка — серая, прозрачная, почти невидимая. Она собралась в образ.

Журавлик.

Маленький, хрупкий, сложенный из бумаги. Он стоял на столе, покачиваясь, будто от ветра.

Тим замер.

— Это проекция, — сказал Оливер. — Не настоящий журавлик. Но он красивый, правда?

Тим протянул руку — медленно, неуверенно. Пальцы коснулись проекции. Свет обвился вокруг его ладони, заискрился, рассыпался на миллион золотистых точек.

Мальчик улыбнулся.

Впервые за год.

Дед заплакал, отвернулся, вытер глаза рукавом. Лис, стоявший в углу, кашлянул и сделал вид, что смотрит в окно.

Оливер не сказал ни слова. Он просто смотрел на Тима и улыбался.

Остальные ученики пришли через час.

Их было семеро — от шести до четырнадцати. Разные. Испуганные, любопытные, недоверчивые. Некоторые пришли с родителями, некоторые — сами. Один мальчик принёс свой «Скетчер» — старенький, потрёпанный, доставшийся от старшего брата, который не вернулся с войны.

Оливер не заставлял их печатать. Он просто показывал проекции.

Океан.

Небо.

Бумажного журавлика.

И ждал.

В конце урока самый маленький — Тим — подошёл к «Ундервуду», положил пальцы на клавиши и напечатал своё имя.

Не проекцию. Не образ. Просто имя — неровными, дрожащими буквами.

Но воздух над машинкой засветился.

Тим испугался, отшатнулся. Оливер погладил его по голове.

— Это твоя сила, — сказал он. — Не бойся. Твори.

Тим посмотрел на свои пальцы, потом на машинку, потом на Оливера.

— Ещё, — прошептал он.

Первый раз за год.

Оливер кивнул.

Тим начал печатать снова.

После урока, когда дети разошлись, Оливер остался один в классе.

Он сидел за столом, смотрел на «Ундервуд» и думал.

О Тиме, который заговорил. О старике, который заплакал. О семерых учениках, которые смотрели на океан и верили.

Он думал о завтрашней встрече с Теодором. О том, что скажет. О том, что услышит.

Он думал об отце, о Москве, о Лисе.

О будущем.

— Получилось, — сказал он вслух.

— Что получилось? — спросил Лис, заглядывая в класс.

— Первый урок, — ответил Оливер.

— А ты сомневался?

— Сомневался, — признался Оливер. — Думал, что не смогу.

— И как?

— Смог.

Лис усмехнулся.

— Завтра у тебя встреча с Теодором, — напомнил он. — Не забыл?

— Не забыл, — Оливер встал, взял «Ундервуд». — Идём. Нужно готовиться.

— К разговору?

— К правде, — ответил Оливер.

Они вышли из школы, и солнечный свет ударил в глаза.

Впереди был новый день.

ГЛАВА 4. Голод

На третьей неделе после падения Правления в Городе кончилась еда.

Не сразу — сначала пропал хлеб, потом мясо, потом овощи. Пустые полки в магазинах, очереди у складов, шёпот на углах. Люди вспоминали старые времена — когда Правление хоть и врало, но кормило.

— Это не наша вина, — сказала Москва на экстренном заседании Совета. — Старые склады пусты. Правление годами жило в долг.

— А нам какая разница, чья вина? — крикнул кто-то из толпы — Совет решил провести заседание открыто, на площади, чтобы люди видели. — Нам есть нечего!

— Мы распределяем запасы, — ответила Москва. — Равномерно. По карточкам.

— Карточки! — усмехнулся грузный мужчина в потрёпанном пиджаке. — Как при Правлении!

— А вы предлагаете? — Москва посмотрела на него холодно. — Пустить всё на самотек? Чтобы сильные отобрали у слабых?

— Я предлагаю открыть старые шахты, — сказал мужчина. — Там, в глубине, есть запасы. Консервация. Ещё Правление спрятало.

— Какие шахты? — спросил Амадей.

— «Пепельный горизонт», — ответил мужчина. — Самые глубокие. Их закрыли десять лет назад, после аварии.

Оливер вздрогнул.

«Пепельный горизонт». Та самая шахта, где работал его отец. Та самая, где случился «несчастный случай», который на самом деле был похищением.

— Эти шахты опасны, — сказал он, вступая в разговор. — Там обвалы. Там...

— Там еда, — перебил мужчина. — А голодный желудок не боится обвалов.

Толпа загудела, зааплодировала. Люди хотели есть. Люди не хотели ждать.

Москва посмотрела на Оливера — и в её взгляде была усталость.

— Мы отправим экспедицию, — сказала она. — Добровольцев. Завтра.

— Я пойду, — сказал Оливер.

— Нет, — ответила Москва.

— Не тебе решать, — сказал Оливер.

— Я председатель Совета, — напомнила Москва.

— А я тот, кто знает эти шахты, — ответил Оливер. — Я работал в «Циклопе». Я спускался в «Пепельный горизонт». Я знаю, что там.

— И что там? — спросил мужчина.

Оливер помолчал.

— Темнота, — сказал он. — И страх.

Вернувшись в школу, Оливер застал Лиса за чисткой «Скетчера».

— Ты слышал? — спросил он.

— Про шахты? — Лис не поднял головы. — Слышал.

— Я пойду.

— Я знаю.

— Ты не пытаешься меня отговорить?

Лис поднял голову.

— А смысл? — спросил он. — Ты всё равно пойдёшь. Как тогда, в «Сердцевину». Как тогда, на площадь. Ты не умеешь сидеть на месте, когда кому-то нужна помощь.

— Кому-то? — переспросил Оливер.

— Всем, — ответил Лис. — Этим детям. Этим старикам. Этим дуракам, которые аплодировали сегодня на площади, а завтра будут проклинать тебя за то, что хлеб чёрствый.

— Ты циник, — сказал Оливер.

— Я реалист, — ответил Лис. — Циники верят в худшее. Реалисты знают, что худшее уже здесь.

Он встал, сунул «Скетчер» в карман.

— Я иду с тобой.

— Не нужно, — сказал Оливер.

— Нужно, — возразил Лис. — Кто-то должен прикрывать твою спину, пока ты будешь геройствовать.

Оливер хотел возразить, но передумал.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари, — Лис усмехнулся. — Я делаю это не ради тебя. Я делаю это ради того, чтобы не сдохнуть от голода.

Они помолчали.

— Когда выходим? — спросил Лис.

— Завтра, на рассвете, — ответил Оливер.

— Тогда нужно выспаться, — Лис направился к выходу. — В шахтах темно. А в темноте лучше не спать.

Он вышел.

Оливер остался один в классе, сжимая в руках старый «Ундервуд».

Он думал об отце, о «Пепельном горизонте», о том, что скрывается в глубине.

Он думал о еде. О голодных детях. О стариках, которые отдавали последнее внукам.

Он думал о том, что война не закончилась. Она просто сменила форму.

Ночью ему приснился отец.

Они стояли на краю шахты — бездонной, чёрной, холодной.

— Не ходи туда, сын, — сказал Лео. — Там то, что нельзя видеть.

— Там еда, — ответил Оливер. — Люди голодны.

— Еда — это не главное, — покачал головой отец. — Главное — это то, что скрыто. То, что Правление прятало годами.

— Что именно?

— Правду, — ответил Лео. — О том, кто мы. О том, откуда мы пришли. О том, куда идём.

Он протянул руку и коснулся плеча Оливера.

— Будь осторожен, сын. Внизу — не только запасы. Внизу — начало всего.

Оливер проснулся в холодном поту.

За окном занимался рассвет — серый, туманный, тревожный.

День начинался.

ГЛАВА 5. Тень Теодора

Встреча с Теодором была назначена на десять утра.

Оливер пришёл в бывшую тюрьму Корректоров за час — хотел осмотреться, привыкнуть к месту, понять, где будет стоять, куда смотреть, как дышать. Лис ждал снаружи, у пульта наблюдения — за стеклом, как и договаривались.

Камера Теодора находилась в подвале — сырая, холодная, с низким потолком и единственной лампой под потолком. Стены были серыми, без окон, без рисунков, без надписей. Только бетон, только тишина, только запах плесени и старой крови.

Теодор сидел на кровати — железной, привинченной к полу, с тощим матрасом и серым одеялом. Он был в простой робе — без нашивок, без ключа на груди, без намёка на былое величие. Но осанка осталась — прямая, гордая, несломленная.

— Ты пришёл, — сказал Теодор, не поднимая головы. — Я знал, что придёшь.

— Ты просил встречи, — ответил Оливер, останавливаясь у двери. — Я здесь.

— Не подходишь ближе? Боишься?

— Осторожничаю, — поправил Оливер.

Теодор поднял голову. Его лицо осунулось, под глазами залегли тени, щёки впали. Но глаза — те же, что и раньше: холодные, цепкие, полные расчёта.

— Мудро, — сказал он. — В тюрьме легко забыть, кто ты. Но я не забыл. И ты не забывай.

— Зачем ты хотел меня видеть?

— Поговорить, — Теодор кивнул на стул в углу камеры — единственный, кроме кровати. — Садись. Не бойся. Я безоружен.

Оливер сел. Не потому, что поверил — потому, что хотел показать: он не боится.

— Ты победил, — сказал Теодор. — Поздравляю.

— Это не победа, — ответил Оливер. — Это начало.

— Начало чего? — Теодор усмехнулся — криво, безрадостно. — Начало конца? Ты думаешь, ты что-то построил? Ты разрушил. А строить — не твоё.

— Москва строит.

— Москва? — Теодор рассмеялся — сухо, хрипло. — Москва — пешка. Хороший командир, плохой правитель. Она не умеет убеждать. Она умеет только приказывать.

— А ты умеешь убеждать, — сказал Оливер.

— Умел, — поправил Теодор. — Теперь — нет. Мои сторонники разбежались. Мои соратники предали. Моя армия — в руинах.

— Ты сам выбрал этот путь, — сказал Оливер.

— Какой путь? — Теодор посмотрел на него в упор.

— Путь диктатора.

— Я выбрал путь порядка, — ответил Теодор. — А порядок требует силы. Вы это поймёте. Рано или поздно. Когда голод усилится, когда люди начнут бунтовать, когда Совет развалится — вы вспомните обо мне.

— Мы не станем тобой, — сказал Оливер.

— Станете, — Теодор покачал головой. — Или станете хуже. Москва уже сейчас хочет казнить всех, кто служил Правлению. А вы её останавливаете. Но надолго ли?

— Мы судим по закону.

— По какому закону? — Теодор усмехнулся. — Вы его ещё не написали. Вы даже не знаете, с чего начать.

Оливер молчал.

— Ты наивен, Оливер, — продолжил Теодор. — Всегда был наивен. Думал, что можно изменить мир добром. Думал, что люди будут благодарны. А они хотят есть. И когда ты не сможешь их накормить — они придут к тебе с вилами.

— К тебе они уже пришли, — заметил Оливер.

— Ко мне пришли те, кого я обидел, — ответил Теодор. — А к тебе придут те, кому ты не помог. Разница большая.

Он откинулся на стену, закрыл глаза.

— Зачем ты позвал меня? — снова спросил Оливер. — Не для того же, чтобы читать нотации.

— Я хочу предложить сделку, — сказал Теодор, не открывая глаз.

— Какую?

— Ты выпускаешь меня. Я ухожу за Стену. Навсегда. В обмен — информация о тайниках с оружием, о бывших цензорах, о планах, которые не успели осуществить.

— Ты думаешь, я соглашусь?

— Нет, — Теодор открыл глаза. — Но я должен был попробовать.

Он посмотрел на Оливера долгим, изучающим взглядом.

— Ты стал другим, — сказал он. — Раньше в тебе было больше сомнений. А теперь...

— А теперь?

— Теперь ты уверен. В себе. В своей правоте. Это опасно.

— Почему?

— Потому что уверенность — первый шаг к тирании, — ответил Теодор. — Ты думаешь, я не был уверен? Я был. В каждом своём шаге. В каждом решении. Я знал, что поступаю правильно. И вот где я.

Оливер встал.

— Разговор окончен, — сказал он.

— Окончен, — согласился Теодор. — Но помни мои слова. Они тебе пригодятся.

Оливер повернулся и направился к двери.

— Оливер, — окликнул его Теодор. — Твой отец... он знает, что скрывается в «Пепельном горизонте»?

Оливер замер, не оборачиваясь.

— Что ты знаешь о «Пепельном горизонте»? — спросил он.

— Достаточно, чтобы не соваться туда без подготовки, — ответил Теодор. — Но ты всё равно полезешь. Потому что ты — Кейн. А Кейны не умеют слушать.

Оливер вышел, не сказав больше ни слова.

Лис ждал его за стеклом.

— Ну как? — спросил он, когда Оливер вышел в коридор.

— Он не изменился, — ответил Оливер.

— А ты ожидал другого?

— Нет, — Оливер покачал головой. — Но я надеялся.

— На что?

— На то, что он хотя бы притворится раскаявшимся.

Лис усмехнулся.

— Теодор не умеет притворяться, — сказал он. — Он всегда говорит то, что думает. Это и делало его опасным.

Они пошли к выходу.

— Что он сказал про «Пепельный горизонт»? — спросил Лис.

— Что там что-то есть, — ответил Оливер. — Что-то, что Правление прятало.

— И ты хочешь это найти?

— Я хочу накормить людей, — ответил Оливер. — А остальное — потом.

Они вышли на улицу, и солнечный свет ударил в глаза.

Впереди была экспедиция в шахту.

Впереди была тьма.

ГЛАВА 6. Старые Друзья

Марк пришёл в школу под вечер, когда Оливер уже собирался закрывать класс.

Он стоял на пороге, переминаясь с ноги на ногу, и мял в руках старую, потрёпанную кепку — ту самую, в которой работал в шахте двадцать лет. Его лицо осунулось, под глазами залегли тени, руки дрожали — не от страха, от голода. Или от того и другого вместе.

— Здравствуй, Оливер, — сказал он, не поднимая глаз.

— Здравствуй, Марк, — ответил Оливер.

Они не виделись с того дня, когда Марк пришёл просить прощения, а Оливер простил. Прошёл месяц. Марк похудел, поседел, будто постарел на десять лет.

— Ты один? — спросил Оливер.

— Один, — Марк поднял голову. — Жена с дочкой дома. Ждут.

— Заходи.

Марк вошёл, огляделся. Увидел «Ундервуды» на столах, проекции на стенах — океан, небо, бумажного журавлика. Остановился, покачал головой.

— Красиво, — сказал он. — Я никогда не умел такого.

— Этому можно научиться, — ответил Оливер.

— Поздно мне, — Марк махнул рукой. — Я старый. Мне бы дожить спокойно, да детей вырастить.

Он замолчал. Оливер ждал.

— Я пришёл просить, — сказал Марк наконец. — Не за себя. За других.

— За кого?

— За бывших Корректоров, — ответил Марк. — Их хотят отправить в лагеря. Всех. Даже тех, кто просто стоял на посту. Даже тех, кто не стрелял.

— Это решает Совет, — сказал Оливер.

— А ты можешь повлиять на Совет, — Марк посмотрел на него. — Ты — герой. Тебя слушают.

— Не всегда, — ответил Оливер.

— Но ты попробуешь? — Марк сжал кепку так, что костяшки побелели.

Оливер помолчал.

— Почему ты за них просишь? — спросил он. — Они охотились на тебя. На твою семью. На всех нас.

— Потому что я знаю их, — ответил Марк. — Я работал с ними. Некоторые — просто люди. У них семьи, дети, старики. Они не хотели стрелять. Но боялись.

— Боялись чего?

— Правления, — сказал Марк. — Тюрьмы. Смерти. Мы все боялись. Ты тоже.

Оливер кивнул.

— Я попробую, — сказал он. — Не обещаю, но попробую.

— Спасибо, — Марк выдохнул. — Спасибо.

Он повернулся, собираясь уходить, но на пороге остановился.

— Оливер, — сказал он. — Ты идёшь в «Пепельный горизонт»?

— Откуда ты знаешь?

— Слухами земля полнится, — ответил Марк. — Я хочу с тобой.

— Зачем?

— Я знаю те шахты, — сказал Марк. — Я работал там, когда они только открылись. Я знаю каждый штрек, каждый забой, каждый обвал.

— Это опасно, — сказал Оливер.

— Я старый шахтёр, — ответил Марк. — Для меня опасность — это когда дома нет хлеба.

Оливер смотрел на него долго, внимательно.

— Завтра на рассвете, — сказал он. — У входа в шахту.

— Приду, — пообещал Марк и вышел.

Лис появился из соседней комнаты, где, оказывается, стоял и слушал.

— Ты ему веришь? — спросил он.

— В том, что он хочет помочь — да, — ответил Оливер. — В том, что он не боится — нет.

— И всё равно берёшь его с собой?

— Он нужен нам, — сказал Оливер. — Он знает шахты. А мы — нет.

— А если он предаст? — спросил Лис. — Как в прошлый раз?

— Тогда я сам отведу его к Совету, — ответил Оливер. — Но я не думаю, что он предаст.

— Почему?

— Потому что он пришёл сам, — сказал Оливер. — Потому что он просил не за себя. Потому что в его глазах — не страх, а надежда.

Лис покачал головой.

— Ты слишком доверчив, Кейн.

— Может быть, — согласился Оливер. — Но без доверия мы не построим новый мир.

Он подошёл к окну, посмотрел на закат.

— Завтра мы уходим в шахту, — сказал он. — Запасы еды на исходе. Люди голодны. Мы должны найти то, что Правление спрятало.

— А если там ничего нет? — спросил Лис.

— Тогда будем искать дальше, — ответил Оливер. — Другого выхода нет.

Он повернулся к Лису.

— Ты готов?

— Нет, — честно ответил Лис. — Но я иду.

— Почему?

— Потому что ты идёшь, — сказал Лис. — А без меня ты пропадёшь.

Оливер усмехнулся.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари, — ответил Лис. — Лучше подготовь снаряжение. В шахтах темно. А в темноте легко заблудиться.

Он вышел.

Оливер остался один в классе, сжимая в руках старый «Ундервуд».

Завтра он снова спустится в темноту.

Завтра он увидит то, что Правление прятало десятилетиями.

Завтра он узнает правду.

ГЛАВА 7. Суд

Суд над бывшим начальником «исправительной школы» должен был стать первым показательным процессом. Москва настояла на открытом заседании — на площади, чтобы все видели, чтобы все знали: старое правосудие умерло, новое будет честным.

Оливер не хотел присутствовать. Но Москва сказала: «Ты должен. Ты — лицо новой власти. Люди хотят тебя видеть».

Он пришёл за час до начала. Площадь была заполнена — тысячи людей, молчаливых, напряжённых, голодных. В центре, на временной трибуне, стояла скамья подсудимых. Пустая.

— Кого судят? — спросил Оливер у Лиса, который стоял в оцеплении.

— Бывшего начальника школы № 7, — ответил Лис. — Той самой, где «перевоспитывали» детей.

— Как его зовут?

— Белов, — Лис поморщился, будто имя было горьким на вкус. — Сергей Белов. Тридцать лет служил Правлению. Лично отправил в утиль больше сотни детей.

— Доказательства есть?

— Есть, — кивнул Лис. — Свидетели. Документы. Его собственные показания.

— Он признал вину?

— Нет, — ответил Лис. — Он говорит, что выполнял приказы.

Оливер замолчал.

«Выполнял приказы». Он слышал эту фразу раньше. От Марка. От бывших Корректоров. От людей, которые делали ужасные вещи, потому что боялись.

Но дети.

Сотни детей.

— Где он? — спросил Оливер.

— Внизу, в фургоне, — Лис кивнул на чёрный автомобиль у края площади. — Ждут сигнала.

— А судьи?

— Временный трибунал, — Лис показал на трибуну, где сидели пять человек — трое из Совета, двое из «Молчаливых», выбранных народом. — Москва председательствует.

— Почему не профессиональный судья?

— А где их взять? — усмехнулся Лис. — Все судьи Правления в тюрьме. Ждут своих процессов.

Оливер кивнул.

— Когда начинаем?

— Через десять минут, — ответил Лис. — Ты будешь говорить?

— Нет, — сказал Оливер. — Я буду слушать.

Белова вывели из фургона под конвоем.

Он был невысоким, полным, с красным лицом и маленькими, заплывшими глазами. Роба сидела на нём мешком — видимо, брали из запасов Правления, а там шили на другой размер.

Толпа загудела, зашептала. Кто-то выкрикнул: «Убийца!», кто-то плюнул в сторону подсудимого. Конвоиры подвели Белова к скамье, усадили.

Москва встала.

— Граждане Метрополиса, — сказала она, и её голос разнёсся над площадью, усиленный динамиками. — Сегодня мы начинаем первый открытый суд. Не такой, как при Правлении. Не тайный. Не подстроенный. Суд, где каждый может видеть, слышать и понимать.

Она помолчала.

— Подсудимый — Сергей Белов, бывший начальник «исправительной школы» № 7. Ему предъявлены обвинения в преступлениях против детей, против человечности, против будущего нашего Города.

Толпа загудела снова — громче, злее.

— Слово предоставляется обвинению, — Москва села.

Обвинителем был молодой парень — один из бывших заключённых школы № 7. Он говорил тихо, сбивчиво, но каждое его слово было как удар ножом.

Он рассказывал о пытках. О голоде. О холоде. О том, как детей заставляли работать на износ, а потом «стирали» тех, кто не выдерживал.

Он называл имена.

Толпа плакала.

Белов сидел, опустив голову, и не поднимал глаз.

Когда обвинитель закончил, Москва спросила:

— Подсудимый, вы признаёте свою вину?

Белов поднял голову.

— Я выполнял приказы, — сказал он. Голос его был хриплым, но спокойным. — Я не хотел никому зла. Я просто работал.

— Вы работали, — сказала Москва. — А дети умирали.

— Они умирали не от моих рук, — ответил Белов. — Я не убивал. Я только...

— Что? — спросила Москва. — Что вы только?

— Я только подписывал бумаги, — сказал Белов.

Толпа взорвалась. Кто-то закричал: «Казнить!», кто-то заплакал, кто-то попытался прорваться к трибуне. Конвоиры едва сдерживали натиск.

Москва подняла руку.

— Тишина! — крикнула она.

Площадь замерла.

— Суд удаляется на совещание, — сказала Москва. — Решение будет объявлено через час.

Она встала и ушла за трибуну. Судьи — за ней.

Оливер стоял в толпе, сжимая кулаки.

Он думал о детях, которых никогда не знал. О тех, кто не дожил до свободы. О тех, кто выжил, но навсегда остался сломленным.

Он думал о Тиме, который не говорил год.

Он думал о Марке, который просил за бывших Корректоров.

— Ты как? — спросил Лис, подходя ближе.

— Плохо, — честно ответил Оливер.

— Это только начало, — сказал Лис. — Таких процессов будут сотни.

— Я знаю, — Оливер посмотрел на него. — И это пугает меня больше, чем битва с Теодором.

— Почему?

— Потому что в битве я знал, кто враг, — ответил Оливер. — А здесь... здесь враг внутри нас. Жажда мести. Желание наказать. Страх, который превращает нас в монстров.

Лис молчал.

Через час судьи вернулись.

Москва встала, развернула лист бумаги.

— Суд приговорил Сергея Белова к двадцати годам трудовых лагерей, — сказала она. — С конфискацией имущества и пожизненным запретом занимать руководящие должности.

Толпа загудела — кто-то одобрительно, кто-то возмущённо. «Мало!» — крикнула женщина с ребёнком на руках. «Смерти ему!» — поддержал кто-то из задних рядов.

Белов стоял, не поднимая головы. Конвоиры увели его.

Москва посмотрела в толпу, нашла глазами Оливера.

— Суд окончен, — сказала она.

Оливер догнал её у выхода с площади.

— Ты могла дать больше, — сказал он.

— Могла, — согласилась Москва, не останавливаясь. — Но тогда следующий судья даст ещё больше. А потом мы вернёмся к смертной казни, как при Правлении.

— Двадцать лет — это много, — сказал Оливер.

— Он убил сотни детей, — ответила Москва. — Двадцать лет — это милосердие.

— Милосердие?

— Он жив, — Москва остановилась, повернулась к Оливеру. — Его жертвы — нет. Это милосердие.

Оливер молчал.

— Ты не согласен? — спросила Москва.

— Не знаю, — ответил Оливер. — Я просто чувствую, что это неправильно.

— Что именно?

— То, что мы судим, — сказал Оливер. — Не за то, что он сделал. А за то, кто он.

— Он — убийца, — сказала Москва.

— Он — человек, который боялся, — ответил Оливер. — Как и мы все.

Они смотрели друг на друга долго, тяжело.

— Ты слишком добр, Оливер, — сказала Москва. — Это твоя сила и твоя слабость.

Она повернулась и ушла.

Оливер остался один на пустой площади.

Ветер доносил запах гари и голода.

ГЛАВА 8. Трещина

Оливер пришёл к Москве в тот же вечер.

Она жила в бывшей казарме Корректоров — комнатухе с голыми стенами, железной кроватью и столом, заваленным бумагами. Ни картин, ни проекций, ни даже цветка на подоконнике. Только функциональность. Только работа.

— Ты редко приходишь, — сказала Москва, не поднимая головы от документов. — Что случилось?

— Мне нужно поговорить, — ответил Оливер, садясь на единственный стул.

— О чём?

— О суде. О Белове. О том, куда мы движемся.

Москва отложила бумаги, посмотрела на него.

— Мы движемся к порядку, — сказала она. — Медленно, трудно, но движемся.

— К порядку? — переспросил Оливер. — Или к мести?

— Не путай, — Москва нахмурилась. — Месть — это когда я лично сворачиваю шею тому, кто убил моих друзей. Порядок — это когда я отдаю его в руки суда.

— А суд приговаривает к двадцати годам лагерей, — сказал Оливер. — За сотни убитых детей.

— Ты считаешь, что мало?

— Я считаю, что это не моё дело — считать, — ответил Оливер. — И не твоё. И не судей. Это дело закона.

— Закона, которого у нас нет, — напомнила Москва.

— Поэтому мы должны его написать, — сказал Оливер. — Прежде чем судить. А не наоборот.

Москва встала, прошла по комнате.

— Ты предлагаешь отпустить всех, кто служил Правлению? — спросила она. — Пока мы будем писать законы?

— Я предлагаю не судить их в спешке, — ответил Оливер. — Посадить под домашний арест. Проверить каждого. А потом...

— А потом пройдут годы, — перебила Москва. — Люди ждут справедливости сейчас. Не через год. Не через десять лет. Сейчас.

— А если справедливость, которую мы дадим сейчас, окажется несправедливостью? — спросил Оливер.

Москва остановилась.

— Ты слишком много думаешь, — сказала она. — Это мешает тебе действовать.

— А ты слишком мало думаешь, — ответил Оливер. — Это мешает тебе видеть последствия.

Они смотрели друг на друга, и в воздухе повисло напряжение, которого не было даже в самые тяжёлые дни войны.

— Ты изменился, — сказала Москва. — Раньше ты был мягче.

— А ты была жёстче, — ответил Оливер. — Раньше ты говорила, что свобода важнее порядка.

— Порядок — это основа свободы, — сказала Москва. — Без порядка свобода превращается в хаос.

— А без свободы порядок превращается в тюрьму, — ответил Оливер.

Они замолчали.

— Ты идёшь в «Пепельный горизонт»? — спросила Москва.

— Да, — ответил Оливер. — Завтра.

— Я не могу тебя отпустить, — сказала Москва. — Ты нужен здесь.

— Я нужен там, — ответил Оливер. — Люди голодны. Если мы не найдём еду, Город взорвётся. И никакой порядок не поможет.

— Ты не единственный, кто может пойти.

— Я единственный, кто знает эти шахты, — сказал Оливер. — И кто не боится.

— Ты боишься, — поправила Москва. — Ты просто умеешь прятать страх.

Оливер встал.

— Я уйду на рассвете, — сказал он. — Хочешь — благослови. Не хочешь — не надо.

Он направился к двери.

— Оливер, — окликнула Москва. — Будь осторожен.

Он обернулся.

— Я всегда осторожен, — ответил он. — Это ты безрассудна.

Он вышел.

Лис ждал его у входа.

— Ну как? — спросил он. — Помирились?

— Нет, — ответил Оливер. — Поругались.

— Это плохо.

— Это нормально, — сказал Оливер. — Мы разные. Мы всегда были разными.

— Раньше вы были заодно.

— Раньше был враг, — ответил Оливер. — Теперь врага нет. Есть только мы. И наши разногласия.

— И голод, — добавил Лис.

— И голод, — согласился Оливер.

Они пошли по тёмной улице, освещённой только золотым светом Постамента.

— Ты всё равно идёшь? — спросил Лис.

— Иду.

— Я с тобой.

— Знаю.

— Марк тоже идёт.

— Знаю.

— И Вера.

Оливер остановился.

— Вера? — переспросил он. — Откуда она узнала?

— У неё везде глаза, — ответил Лис. — Она предложила своих людей. И себя.

— Зачем?

— Хочет доказать, что она не враг, — сказал Лис. — Что её можно доверять.

— А можно?

— Не знаю, — честно ответил Лис. — Но она нам нужна. У неё есть снаряжение. Оружие.

Люди.

— И условия, — понял Оливер.

— И условия, — кивнул Лис. — После экспедиции — место в Совете.

Оливер покачал головой.

— Политика, — сказал он. — Везде политика.

— Это называется «сотрудничество», — ответил Лис. — Мы даём им власть, они дают нам еду.

— А если они нас предадут?

— Тогда будем драться, — просто ответил Лис. — Как всегда.

Оливер посмотрел на небо — чёрное, беззвёздное, пустое.

— Когда-нибудь это закончится? — спросил он.

— Что?

— Борьба. Страх. Голод.

— Когда-нибудь, — ответил Лис. — Но не сегодня.

Они подошли к школе.

— Завтра на рассвете, — сказал Оливер. — У входа в шахту.

— Я буду, — пообещал Лис.

Они разошлись.

Оливер вошёл в школу, поднялся в класс, сел за свой стол.

Перед ним лежал «Ундервуд».

Он закрыл глаза и начал печатать.

Не проекцию. Не образ.
Просто — тишину.

ГЛАВА 9. Голос из Подполья

На четвёртую неделю после падения Правления в Городе появился новый голос.

Он приходил по ночам — тихий, шипящий, пробивающийся сквозь помехи на старых частотах, которые Амадей забыл заблокировать. Не трансляция Постаменты — та была золотой, чистой, успокаивающей. Этот голос был другим. Колючим. Опасным.

— Граждане Метрополиса, — говорил он, и в каждом слове чувствовалась сталь. — Вы думаете, что победили. Вы думаете, что свободны. Но посмотрите вокруг. Ваши дети голодны. Ваши старики мёрзнут. Ваши улицы патрулируют те же люди, только в другой форме.

Оливер слушал эту трансляцию в школе, сидя за своим столом. Лис стоял у окна, сжимая в руках приёмник, который притащил Амадей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.